

УДК 330.59

DOI: 10.26140/anie-2020-0901-0012

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ:
ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

© 2020

AuthorID: 269625

SPIN: 2263-6317

ResearcherID: C-8719-2017

ORCID: 0000-0002-2746-1355

ScopusID: 56496991800

Барышева Галина Анзельмовна, доктор экономических наук, профессор

Школы инженерного предпринимательства

Бабышев Вячеслав Юрьевич, аспирант

Томский политехнический университет

(655016, Россия, Абакан, улица Крылова, 88, e-mail: vacheslav84@mail.ru)

Аннотация. Проводимая в последние годы пенсионная реформа актуализировала вопросы обеспечения жизнедеятельности пожилых людей как в плане выбора модели пенсионной системы, так и с точки зрения сохранения экономического роста. Под моделью мы понимаем совокупность базовых принципов функционирования пенсионной системы. В данной статье рассмотрено три модели пенсионных систем: существующая в настоящее время в России солидарная пенсионная система (текущие пенсии нынешним пенсионерам начисляются из текущих взносов нынешних работающих), пенсионная система на основе модели жизненного цикла (каждый человек самостоятельно копит деньги на свою будущую пенсию) и пенсионная система на династической модели (пенсии пожилым родителям выплачиваются из доходов их работающих детей). Проанализированы достоинства, недостатки и возможные последствия использования данных моделей. Рассмотрены специфические особенности данных моделей в российских условиях. Для солидарной пенсионной системы приведены оценки экономической эффективности с точки зрения получателей, для модели жизненного цикла показан критический уровень инфляции для точки безубыточности, а для династической модели осуществлен анализ необходимого количества детей и социальных последствий данного количества. Сделаны выводы и даны рекомендации для путей дальнейшего реформирования пенсионной системы России.

Ключевые слова: пенсионная система, уровень жизни, экономический рост, дефицит пенсионной системы, внешние условия, модели, макроэкономика старения, межпоколенческие трансферты, солидарная система, династическая модель, модель жизненного цикла, экономическая эффективность, инфляция, демография, рождаемость.

MODERN MODELS OF THE PENSION SYSTEM:
ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

© 2020

Barysheva Galina Anzelmovna, doctor of economic sciences, Professor

of the School of Engineering Entrepreneurship

Babyshev Vyacheslav Yurievich, post-graduate student

Tomsk Polytechnic University

(655016, Russia, Abakan, Krylov st., 88, e-mail: vacheslav84@mail.ru)

Abstract. The pension reform carried out in recent years has updated the issues of ensuring the livelihoods of older people, both in terms of choosing a pension system model and in terms of maintaining economic growth. Under the model, we understand the totality of the basic principles of the functioning of the pension system. This article discusses three models of pension systems: the current solidarity pension system in Russia (current pensions for current pensioners are calculated from the current contributions of current employees), the pension system based on the life cycle model (each person independently saves money for his future pension) and pension system based on a dynastic model (pensions for elderly parents are paid from the income of their working children). The advantages, disadvantages and possible consequences of using these models are analyzed. The specific features of these models in Russian conditions are considered. For a joint pension system, estimates of economic efficiency are given from the point of view of recipients, a critical inflation rate for a break-even point is shown for a life cycle model, and for the dynastic model, the required number of children and the social consequences of this number are analyzed. Conclusions are drawn and recommendations are given for ways to further reform the Russian pension system.

Keywords: pension system, standard of living, economic growth, pension deficit, external conditions, models, macroeconomics of aging, intergenerational transfers, the solidarity system, dynastic model, life cycle model, economic efficiency, inflation, demography, fertility.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в развитых странах из-за падения рождаемости и увеличения продолжительности жизни наблюдается процесс демографического старения населения. В связи с данным процессом актуализировались вопросы макроэкономики старения в целом и стабильности пенсионных систем в частности. Увеличение расходов пенсионных систем из-за увеличения доли лиц пенсионного возраста вместе с уменьшением доходов пенсионных систем из-за уменьшения процента лиц трудоспособного возраста усиливает дефицит пенсионных систем и ставит под удар саму идею социального государства [1] [2].

Анализ последних исследований и публикаций в данной сфере показал две разнонаправленные тенденции. Некоторые авторы предлагают устранить проблему дефицита пенсионных систем путем краткосрочных

решений (увеличение налогов или отказ от социальной сферы [3], стимулирование людей на более поздний выход на пенсию [4] [5], повышение пенсионного возраста [6]) без замены базовой модели пенсионной системы. Напротив, А. İmrohoroglu и К. Zhao на примере Китая рассматривают вариант использования новых моделей пенсионного обеспечения: модели жизненного цикла и династической модели [7]. Модель жизненного цикла предполагает исключительно накопительную систему с устранением солидарности поколений. А. С. Lyons, J. Grable и S-H. Joо являются сторонниками идеи делать упор на личные сбережения граждан как путь решения проблемы дефицита пенсионной системы [8]. Напротив, А. Murphy, Р. Kowal и М. Albertini, а также Х. Chen, К. Eggleston и А. Sun отмечают, что именно официальная пенсионная система ослабила межпоколенческие трансферты, которые в традиционном обществе выполняли

роль пенсионного обеспечения [9][10]. Династическая модель предполагает использование принципа межпоколенческих трансфертов от трудоспособных детей к родителям в пожилом возрасте.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целями данной статьи является рассмотрение различных моделей пенсионного обеспечения для их возможной применимости в российских условиях.

Выявить достоинства, недостатки и возможные последствия введения той или иной модели пенсионного обеспечения.

В данной статье используется сравнительный анализ пенсионных моделей как по внутренним параметрам, так и по необходимым внешним условиям функционирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Современная страховая пенсионная система России характеризуется двойственным положением: юридически пенсии начисляются на основе прошлого трудового стажа и уровня зарплаты, а фактически текущие пенсии нынешним пенсионерам выплачиваются из текущих взносов современных работающих [11]. В результате данная система приводит к экономической убыточности и дисбалансу взносов и платежей конкретных людей. При этом накопительная часть пенсионной системы с 2014 года заморожена и отчисления с нее перенаправляются в страховую часть [12].

По оценкам И. Терентьевой, смешанная система пенсионного обеспечения России уступает многим странам по очень низкому коэффициенту замещения пенсий среднего заработка, низкой продолжительностью жизни людей после выхода на пенсию, а также слабой ролью накопительной части в замещении среднего заработка и долей в инвестициях в инфраструктуру. В целом по ее мнению для стабильности пенсионной системы необходима стабильно развивающаяся экономика, высокий уровень занятости, высокий уровень зарплат и правильная демографическая политика, а для развития накопительной составляющей повышение общего благосостояния, финансовой грамотности и культуры накопления и создание административных условий для инвестирования пенсионных накоплений в экономику [13].

Оценить взносы людей с точки зрения накоплений довольно затруднительно не только в силу инфляции за 30-40 лет, но и постоянного изменения коэффициента замещения, а также ставки взносов в ПФ. Самый простой и распространенный способ в источниках это сравнить денежные потоки на конкретный момент времени с экстраполяцией результата. Как уже отмечалось ранее, тариф взносов в ПФ составляет 22 %, средняя пенсия в 2017 году составляла 13,7 тысяч рублей, а средняя зарплата 37,4 тысячи рублей. Исходя из предположения среднего срока выхода на пенсию в 57,5 лет и начала трудовой деятельности после окончания института в 22 года, получаем средний стаж без учета перерывов в 35,5 лет. На первое полугодие 2017 года средняя продолжительность жизни в России по оценкам Росстата составляла 72,4 года, т.е. средний человек в 2017 году жил на пенсии 14,9 лет. За 35,5 лет стажа средний человек перечислил в ПФ 3,5 миллиона рублей в ценах 2017 года, а за 14,9 лет жизни на пенсии получил 2,5 миллиона рублей. В итоге средний человек получил убыток примерно в 1 миллион рублей (28,5 % от всех отчислений). При этом мужчины получают убыток больший, чем женщины просто в силу того, что срок выхода на пенсию у мужчин больше, а продолжительность жизни намного меньше.

Стоит отметить, что данный расчет не совсем правильный, потому что коэффициент замещения пенсий зарплатой считается не на основе средней продолжительности жизни, а на основе возраста дожития людей, которые уже достигли пенсионного возраста. Иными словами, уже достигшие пенсионного возраста люди проживут намного дольше средней продолжительности жизни, но часть людей умрет до выхода на пенсию и их

пенсионные взносы пойдут на оплату пенсий другим людям.

Что характерно, проводимая в настоящее время пенсионная реформа по оценкам С. Иванова с учетом 4 % инфляции приведет к значительному проценту выпадающих доходов для пенсионеров даже при условии их ежегодного увеличения на 1 тысячу рублей: на 1 миллион для мужчин и 1,2 миллиона для женщин. По его оценкам если раньше вклад мужчин в систему ОПС в 2 раза превышал полученные пенсии, а у женщины немного меньше, то после проведения реформы соотношение изменится с 2,0 до 2,1 для мужчин и с 0,95 до 1,3 для женщин [14].

По оценкам И. Терентьевой распределительная система обеспечивает в России коэффициент замещения в 35 % от зарплаты. При этом в странах ОЭСР 40,6 %, Франции 60,5 %, Испании 72,3 %, Латвии 47,5 %. Соотношение числа официально занятых в экономике к численности пенсионеров также постепенно снижается в России: с 2,07 в 1992 году до 1,59 в 2016 году. Расходы государства на пенсионное обеспечение 9 % ВВП, что находится вполне в пределах среднего показателя по ОЭСР в 8,9 %. Дефицит пенсионной системы оценивается в 3-3,9 % ВВП (по сравнению с 2,4 % в ОЭСР). При этом Россия заметно уступает ОЭСР по ожидаемой продолжительности жизни на пенсии: 17,6 лет для женщин и 13,1 года для мужчин против 22,5 года для женщин и 18,1 год для мужчин.

Существуют проекты перейти в пенсионном обеспечении на династическую модель, т.е. переложить выплату пенсий родителям напрямую на плечи детей. Косвенным намеком на данный путь является внесенное предложение в семейное законодательство РФ вменить обязанность по содержанию «новых предпенсионеров» (которые уже потеряли работу, но при этом по новому закону еще не имеют права на пенсию) на плечи их детей до достижения ими пенсионного возраста. Однако при кажущейся простоте этот метод содержит свои подводные камни. Если коэффициент замещения средней пенсии средней зарплатой принять за 36,6 % по состоянию на 2017 год, ставку отчислений оставить на прежнем уровне в 22 % от зарплаты, то для обеспечения 2 родителей-пенсионеров нужно 3,3 работающих детей только для сохранения современного уровня пенсий. Если коэффициент замещения повышается до 50 %, то на 2 родителей-пенсионеров нужно уже 4,5 работающих детей. При этом рождаемость в 4,5 ребенка на семью последний раз наблюдалась в 1930-е годы, рождаемость в 3,3 ребенка последний раз фиксировалась около 1950 года, а современные тренды рождаемости вообще колеблются на уровне не выше 1,78 детей на семью. При такой рождаемости только для сохранения коэффициента замещения в 36,6 % нужно повысить норму отчислений с з/п от 22 до 41 %, чего нет ни одной из стран мира и само собой крайне маловероятно. Учитывая, что выплата страховых взносов в ПФ является обязанностью работодателей, то гипотетическое повышение ставки до 41 % увеличит расходы работодателей и, в условиях России, вероятно, приведет к росту уклонения от налогов. При сохранении же нормы отчислений в 22 % средняя пенсия упадет до 19,58 % от средней зарплаты. В условиях средней зарплаты в 2017 году в 37,4 тысячи рублей, средняя пенсия составит всего 7,3 тысячи рублей – ниже даже официального прожиточного минимума.

Если же для достижения приемлемого уровня пенсионного обеспечения пойти по пути повышения рождаемости, то взрослым детям придется обеспечивать не только родителей, но и заводить самим не меньше 3,3 детей для своей будущей старости. Однако, согласно исследования Л. Овчарова, самая массовая группа бедного населения в России это именно семьи с детьми, которые составляют 50-60 % от общей численности бедных и на их долю приходится 70-80 % дефицита дохода. При этом вопреки распространенному мнению о бедности пре-

имущественно многодетных и неполных семей, половина из указанных бедных семей имеют благоприятную демографическую структуру, а именно составляют полные семьи с 1-2 детьми. При этом наличие детей резко снижает доходы семей и увеличивает их вероятность попадания в категорию бедных. Например, семьи без детей составляют всего 20 % от общей численности бедных и занимают 13-16 % от общего дефицита доходов. При этом рождение 2 ребенка в среднестатистическом случае автоматически переводит семью в разряд бедных [15]. При этом, согласно исследованиям Л. Прокофьева и Е. Куприяновой, именно многодетные семьи (с 3 и более детьми) имеют как самый значительный процент в численности бедных, так и самый большой процент бедных внутри своей группы. Всего 82 % многодетных семей попадают в категорию бедных, хотя в общей численности бедных их всего 5,2 % и в общем дефиците доходов всего 13,1 %. При этом среднедушевой дефицит доходов у многодетных в 1,5 раза выше среднероссийского уровня и составляет только 44,2 % от прожиточного минимума. Одновременно самый высокий уровень бедности испытывает треть многодетных семей, что примерно в 4 раза выше, чем у семей с 1-2 детьми. При этом почти половина многодетных семей имеют проблемы с жильем, 40 % с сезонной обувью и одеждой для детей, треть с полноценным питанием. При более-менее сопоставимых показателях в деревенской местности, в городах многодетные в 2 раза уступают семьям с 1 ребенком по уровню благоустройства жилья, при этом семьи с 3 детьми имеют по 11,9 кв. м. на 1 человека, а с 4 и более детьми по 10,3 кв. м. на человека – почти в 2 раза ниже средних российских показателей (а в городах почти в 3 раза для семей с 4 и более детьми). И хотя в четверти многодетных семей дети бросают школу для досрочного выхода на работу, позиция многодетных семей на рынке труда в целом имеет неблагоприятные тенденции: 48 % родителей имеют заработки ниже прожиточного минимума, из-за необходимости ухода за детьми в 31 % семей родители в трудоспособном возрасте не работают и не ищут работу, при этом до 30 % доходов составляют неформальные заработки в сером секторе и личное подсобное хозяйство. Одним из минусов для устройства многодетных родителей на работу указывают слабость профессионального образования и квалификации по сравнению с остальными группами населения. И хотя многодетные семьи реже обращаются за медицинской помощью для детей, автор не обнаружила заметного ухудшения здоровья детей в многодетных семьях. Но количество инвалидов оказалось выше: 2,6 % в многодетных и 1,9 % в семьях с 1-2 детьми. При более-менее сравнимом уровне в деревенской местности, в городах многодетные семьи испытывают недостаточность питания (особенно сильное в неполных многодетных семьях и молодых семьях с 3 и более детей). Также многодетные семьи чаще обращаются за социальной помощью от государства: различные пособия составляют до 8,8 % от наблюдаемых доходов, но все-равно в 2 раза уступают имеющемуся дефициту денежных доходов [16]. В целом можно сказать, что появление массовой многодетной семьи в России возможно только в 3 вариантах: массовом снижении уровня благосостояния населения (что вряд ли станет популярной идеей), значительном увеличении помощи многодетным семьям со стороны государства (что потребует государственных расходов) или массовом переезде людей в сельскую местность, где разрыв в уровне жизни между многодетными и малодетными менее заметен (что в свою очередь противоречит экономическому развитию за последние века).

Еще одной проблемой на пути династической модели является неполное совпадение пенсионного возраста родителей и трудовой деятельности детей. Согласно данным Демоскопа, пик максимальной детородной активности сосредоточен в возрасте 20-35 лет, а по данным Росстата в настоящее время в России средний воз-

раст рождения первого ребенка составлял около 26 лет при постоянном смещении рождений в более старшие возрасты. Если первый ребенок рождается в 20 лет, то при условии начала им трудовой деятельности в 23 года родителям исполнится 43 и более лет и останется до пенсии в среднем 15-20 лет. При этом если родители умрут раньше 80 лет, то часть взносов детей пойдет впустую. При среднем возрасте рождения в 26 лет ребенок начнет трудовую деятельность при возрасте родителей в 49 лет и закончит трудовую деятельность при гипотетическом возрасте родителей в 86 лет. Для более поздних детей разрыв еще больше: гипотетический ребенок от рождения в 30 лет начнет трудовую деятельность в 53 года у родителей и завершит его при гипотетическом возрасте 90 лет для родителей. Таким образом, этот механизм потребует какой-то солидарно-перераспределительной части для более ранних взносов детей при еще работающих родителях, а более поздние взносы детей при условии смерти родителей вообще «зависают в воздухе» при такой системе.

В отличие от солидарно-страховой системы накопительный принцип не зависит от демографических изменений и стимулирует развитие финансовых рынков благодаря наличию дополнительных инвестиций. Однако данная система оказывается очень уязвимой от экономической активности и требует значительного качества управляющего менеджмента. Также люди склонны отдавать предпочтения накопительной системе при достаточно высоком уровне доходов, а при низком уровне доходов предпочитают направлять деньги на текущее потребление.

В настоящее время накопительная часть пенсионной системы России обеспечивает только 2 % замещения. Для сравнения в странах ОЭСР она обеспечивает 12,3 % замещения, а в странах с преимущественно накопительной системой еще больше. Этим связано с достаточно слабым развитием накопительной системы в России: на накопительную часть платилось всего 6 % взносов и то в период 2002-2014 года [13].

В целом эффективность накопительной пенсионной системы зависима от уровня доходности относительно инфляции. По оценкам И. Терентьевой за период 2005-2017 годы инфляция превышала доходность пенсионной накоплений по расширенному портфелю Внешэкономбанка в 8 годах, у Частных управляющих компаний (ЧУК) в 6 годах, у негосударственных пенсионных фондов (НПФ) в 5 годах. В 2007, 2008, 2011 и 2014 годах инфляция превышала доходность у всех пенсионных инвесторов. При этом суммарная доходность пенсионных накоплений с 2005-2008 года по 2017 год меньше суммарной инфляции. При этом наибольшую доходность с 2009-2013 года показали ЧУК (кроме 2011 года – ВЭБ), которая превысила накопленную инфляцию. Однако только 0,6 % застрахованных лиц были связаны с ЧУК, а большая часть (59,9 %) находилась в расширенном портфеле ВЭБ. Доходность расширенного портфеля ВЭБ с 2009-2013 года тоже превышала инфляцию. Для 39,1 % связанных с НПФ застрахованных лиц доходность была ниже первых двух категорий, а в 2010, 2011 и 2013 годах была даже ниже накопленной инфляции. Портфель государственных ценных бумаг ВЭБ (0,4 % застрахованных лиц) имел наименьшую доходность и никогда не превышал накопленную инфляцию. По мнению автора различие в доходности связано с характером инвестирования: ЧУК инвестировал в негосударственные облигации, НПФ в негосударственные облигации и банковские депозиты, ВЭБ в облигации федерального займа. По показателям реальной доходности частных пенсионных накоплений Россия отстает от стран ОЭСР: с декабря 2011 по декабрь 2016 года в России среднегодовая доходность составляла – 1,1 %, а в большинстве стран выше + 2 %. С декабря 2006 года по декабрь 2016 года среднегодовая реальная доходность составила в России – 2,1 %, а в большинстве стран ОЭСР

положительная. Среднегодовая реальная доходность государственных пенсионных фондов большинства стран ОЭСР в период с 2011 по 2015 год была выше + 1 %, а в России реальная доходность расширенного портфеля ВЭБ составляла – 1,7 %. Россия также отстает по проценту инвестирования пенсионных денег в инфраструктурные проекты: 1 % в 2016-2017 годах против 3,6 % в конце 2015 года у 49 крупных пенсионных фондов мира. При этом пенсионные накопления России составляют только 6 % ВВП и тоже уступают странам ОЭСР. При потенциальном объеме инвестиций в 0,5 трлн. рублей и вложении всего 89 млрд. рублей пенсионных накоплений дополнительная потребность в финансировании инфраструктуры находится на уровне 2,3-3 трлн. рублей, а экономический рост требует еще 3,3 трлн. рублей. По мнению автора это связано с излишней зарегулированностью сферы пенсионных инвестиций (Россия занимает по степени либерализации этой сферы 61 место из 68). В целом, по мнению автора, для России целесообразно сохранить смешанную систему, чтобы нейтрализовать уязвимость солидарной системы от демографического старения, а для накопительной системы инвестиционных риски [13].

В целом по оценкам экспертов положительная реальная доходность пенсионных накоплений возможна только при инфляции, не превышающей 4,0-4,5 % в год. В данный момент динамика инфляции для этого благоприятна: инфляция снизилась с 5,39 % в 2016 году до 2,52 % в 2017 году и по прогнозам Минэкономразвития до 2030 года будет не больше 4 % [13].

Еще одним из возможных путей устранения дефицита пенсионной системы является стимулирование людей совершать самостоятельные накопления на свою старость. Добровольное пенсионное обеспечение добавляет еще 8 % к коэффициенту замещения, однако им охвачено пока только 7 % трудоспособного населения. Для сравнения в странах ОЭСР им охвачено от 12,3 % в Эстонии до 70,4 % трудоспособного населения в Германии. В целом по данным И. Терентьевой население России в целом не склонно доверять частным системам пенсионного страхования и не привыкло самостоятельно накапливать деньги. По ее данным только 22 % всех пенсионных накоплений формируются из добровольных взносов, поэтому основной упор остается на государственной системе пенсионного страхования.

ВЫВОДЫ

В целом функционирующая в настоящее время солидарно-страховая система России невыгодна для ее участников с точки зрения соотношения внесенных страховых взносов и полученных пенсионных выплат. Также выяснилось, что династическая модель мало подходит для России в силу необходимости иметь много детей, что неизбежно сопровождается падением доходов ниже прожиточного минимума. Модель жизненного цикла в целом возможна и даже благоприятна в плане инвестиций в экономику России, если инфляция будет держаться на умеренном уровне в 4-4,5 % и повысится доверие людей к негосударственным пенсионным фондам.

Перспективами дальнейших изысканий в данной сфере является изучение факторов стабильности пенсионной системы РФ, а также достоинств, недостатков и возможных последствий мер правительства по устранению дефицита пенсионной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. J. C. Conesa. T. J. Kehoe. An introduction to the macroeconomics of aging. // *The Journal of the Economics of Ageing*. May 2018. V. 11. p. 1-5.
2. W. Feng. A. Sousa-Poza. The economics of ageing and health. // *The Journal of the Economics of Ageing*. November 2018. V. 12. p. 192-194.
3. E. R. McGrattan. E. C. Prescott. An Aggregate Model for Policy Analysis with Demographic Change. // *Journal of the Economics of Ageing*. May 2018. V. 11. p. 52-61.
4. C. Freudenberg. N. Laub. T. Sutor. Pension decrement rates across Europe – Are they too low? // *The Journal of the Economics of Ageing*. November 2018. V. 12. p. 35-45.
5. R. Matsukura. N. Mitsuyama. S. Shimizutani. S-H. Lee. Untapped

Work Capacity among Old Persons and Their Potential Contributions to the «Silver Dividends» in Japan. // *Journal of the Economics of Ageing*. November 2018. V. 12. p. 236-249.

6. R. Fenge. F. Peglow. Decomposition of demographic effects on the german pension system. // *The Journal of the Economics of Ageing*. November 2018. V. 12. p. 61-76.

7. A. Imrohroglu. K. Zhao. Intergenerational transfers and China's social security reform. // *The Journal of the Economics of Ageing*. May 2018. V. 11. p. 62-70.

8. A. C. Lyons. J. Grable. S-H. Joo. A Cross-Country Analysis of Population Aging and Financial Security. // *Journal of the Economics of Ageing*. November 2018. V. 12. p. 96-117.

9. A. Murphy. P. Kowal. M. Albertini et al. Family transfers and long-term care: An analysis of the WHO Study on global AGEing and adult health (SAGE). // *Journal of the Economics of Ageing*. November 2018. V. 12. p. 195-201.

10. X. Chen. K. Eggleston. A. Sun. The Impact of Social Pensions on Intergenerational Relationships: Comparative Evidence from China. // *Journal of the Economics of Ageing*. November 2018. V. 12. p. 225-235.

11. Пенсионный фонд Российской Федерации. Что выбрать: страховую и накопительную или только страховую? URL: <http://www.pfrf.ru/branches/mordovia/news/~2014/11/20/45434> (дата обращения: 18.10.2019).

12. Замахина Т. Госдума «заморозила» накопительную часть пенсии до 2021 года. // *Российская газета*. 22.11.2018.

13. Терентьева И. В. Оценка эффективности распределительной и накопительной моделей пенсионного обеспечения в России. // *Государственное управление. Электронный вестник*. Октябрь 2018. В. 70. С. 62-83.

14. Иванов, С. Ф. (2019). Пенсионная реформа–2019: детерминанты, последствия, альтернативы. Демографическое обозрение, 6(2), 6-54. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i2.9871>

15. Овчарова Л. Н. Профиль российской бедности. Большинство бедных - это полные семьи с детьми. [Электронный ресурс] // *Демоскоп Weekly*. 21 марта - 3 апреля 2005. № 195 - 196. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0195/tema02.php> (дата обращения: 18.10.2019).

16. Прокофьева Л. М. Куприянова Е. И. Многодетная семья в России. Кроме детей, в дефиците всё... [Электронный ресурс] // *Демоскоп Weekly*. 13 - 30 апреля 2009. № 373 - 374. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php> (дата обращения: 18.10.2019).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90050.

Статья поступила в редакцию 12.11.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020